

Вадим ДУБРОВИЦКИЙ: *Моск. правда. — 2003. — 2 апр. — с. 7*

Антреприза не лезет в карман государства

Вадим Дубровицкий одним из первых открыл свой продюсерский центр еще в 1988 году, когда само это словосочетание звучало в России вызывающе. Сегодня он — режиссер и арт-директор «LA' ТЕАТРА», в репертуаре которого спектакли с участием Л. Чурсиной, И. Бочкина, О. Волковой, В. Стеклова, Е. Шифрина, В. Смирнитского, М. Могилевской, В. Долинского, Е. Сафоновой, А. Ильина, Л. Якубовича, М. Боярского, С. Мигицко, А. Семчева, С. Хоркиной.

— Вадим, раскройте тайну: чем занимается продюсер!

— Это понятие пришло в Россию с Запада сравнительно недавно, быстро стало модным, но у нас продюсерами нередко называют людей, никакого отношения к профессии не имеющих. Продюсер — это человек, который находит деньги на проект, обеспечивает все условия для его реализации — от технических до творческих и делает так, чтобы готовый продукт приносил прибыль.

— Теперь в нашей стране уже есть учебные заведения, где можно получить эту специальность. А как вы стали продюсером?

— В 1981 году я окончил актерско-режиссерский курс ЛГИТМИКа, и меня приняли в один из государственных театров. Тогдашняя театральная система гарантировала только нищенское существование. На «рабочем месте» я обнаружил полупьяных однокашников, окончивших институт годом-двумя раньше, которые мне и сказали: «Беги отсюда». Я убежал. И случайно попал в популярный тогда ансамбль «Дружба», которым руководил великолепный человек — Александр Броневский. Тогда он расстался с Эдитой Пьехой и искал солиста. Два года я ездил по городам и пел песни. А потом отправился из Петербурга в Москву: еще Пушкин говорил, что в Петербурге хорошо писать, а в Москве — продавать.

В конце 80-х Гагаринский райком комсомола открыл на «Мосфильме» театр-студию «Первый

дубль». Деньги, которые дал комсомол, быстро закончились, и мы стали зарабатывать сами. Одно из первых наших мероприятий называлось «Вечерняя лыжня». Комментировать соревнования пригласили Николая Николаевича Озерова. В последнюю минуту выяснилось, что он заболел. И я заговорил в микрофон... его голосом. Потом пел, танцевал, веселил детей...

— Свой первый антрепризный спектакль вы поставили в 1993 году и потом держали паузу восемь лет. Почему?

— Тогда я не знал, что это называется антрепризой: собрал людей и поставил мюзикл по «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Премьеру мы играли на сцене «Ленкома» в день путча, пережив дополнительные острые ощущения: в моей машине прострелили заднее стекло... Спектакль-то я выпустил, но по неопытности абсолютно не представлял, как обеспечить ему дальнейшую жизнь, и на время оставил антрепризные опыты. Несколько поучительных лет провел как продюсер классической и авангардной музыки. Мы организовывали фестивали Софии Губайдулиной, Валентина Сильвестрова, Арво Пярта, Гии Канчели, приглашали Гидона Кремера, Юрия Башмета, Давида Герингаса... К сожалению, правительство Москвы и Министерство культуры жаждали быть вписанными в афишу, но ни копейкой не помогали — увы, я не владел и не владелу аргументами, которые способны их убедить. А в этой сфере существовать совсем

без поддержки невозможно. Постепенно наша деятельность сама собой сошла на нет. Откровенно говоря, не только и не столько из-за финансов... Я не слишком амбициозный человек, но мне быстро наскучило «обслуживать» звезд, которые редко оказываются людьми столь же светлыми, сколь музыка, которую они исполняют. И я вернулся на театральную ниву.

— Но сейчас в ваших спектаклях тоже играют звезды. Трудно уживаться!

— Иногда я вижу, как из спортзала выходят зупленькие люди небольшого роста, которые держат руки едва ли не под прямым углом к туловищу, изображая, будто опустить их им мешают накачанные мышцы. В театральном цехе подобное тоже случается. С некоторыми далеко не звездами, страдающими завышенной самооценкой, общаться куда сложнее, чем с заслуженными артистами. А, скажем, с Владимиром Долинским или Андреем Ильиным таких проблем просто не возникает. Работая с одним из самых талантливых наших артистов Валентином Смирнитским, я впервые почувствовал, как «понимают друг друга с полуслова».

— Вадим, не было у вас желания вернуться на сцену в качестве вокалиста? С вашим-то баритональным тенором и диапазоном в две с половиной октавы...

— Если бы и появилась такая идея, не представляю, как к этому подступиться. Да что я — мне уже много лет. А о чем сегодня приходится в первую очередь задумываться молодому певцу? О своей сексуальной ориентации. О том, кто станет его спонсировать... Наша нынешняя эстрада — «Стрелки», «Сливки», «Руки Вверх!»... От организаторов гастролей я знаю, что они не собирают ни одного концертного зала ни в одном городе, поэтому выступают в клубах. Караоке изобрели, видимо, для России. Почти каждый может убедиться, что

поет не хуже, чем 90 процентов эстрадных исполнителей. Причем под караоке поют вживую... Иногда мне хочется пригласить кого-то из попсовых звезд и показать им, как надо петь.

Недавно одна журналистка сказала мне: «У нас же — лучшая актерская школа...». А замечательный артист Александр Парра, услышав это, состриг: «Может, у нас и лучшая актерская школа, но в нее никто не ходил». То, что в России есть эстрадные продюсеры, исполнители, шоу-индустрия, — миф. В Швейцарии я видел по местному телевидению фильм про Гитлера. На экране шла хроника, а за кадром ее комментировали не историки или философы, а психиатры. Они рассуждали с медицинской точки зрения. Как нация Гете, Моцарта, Баха вдруг единым духом выкрикнула: «Хайль Гитлер!» Думаю, что скоро и нам придется разбираться в себе, обращаясь к психиатрам. Если Николай Басков — певец, то мы — страна-психушка. Дело не в том, нравится мне или не нравится, как Басков поет. Есть же объективные критерии! Он поет фальшиво. У нас совершенно сбита система координат. Такое время, наверное, нужно его пережить. На телевидении дают интервью знаменитые поэты, чьих стихов никто не читал, известные художники, чьих полотен никто не видел. Надеюсь, что мы никого не обманываем. Назвались антрепризой, играем комедии, не рекламируем их как экспериментальные...

— Слово «антреприза» многие употребляют сегодня чуть ли не как синоним слова «халтура»...

— Многие — это кто? Многие руководители государственных театров, которым антреприза — как

кость в горле? Знаете, в чем разница между антрепризой и государственным театром? В том, что первая не лезет в карман государства, тратит свои средства, поэтому не может выпустить спектакль, на который не пойдут зрители. В антрепризе люди договариваются, что, с кем, когда и на каких условиях они будут делать. Театр был антрепризным со времен Древней Греции. А система, при которой актер получает одну и ту же зарплату независимо от того, как он играет, могла существовать только в СССР.

— Что означает название «LA' ТЕАТР»?

— Идея создать свой театр возникла примерно полтора года назад, во время репетиций спектакля «Слухи», в котором заняты Валентин Смирнитский, Ольга Волкова, Владимир Долинский, Андрей Ильин, Елена Сафонова, Ефим Шифрин, Владимир Стеков, Марина Могилевская. Мы почувствовали радость общения друг с другом, желание и дальше работать вместе. Осталось придумать название. Хотелось обойтись без банальности и претензии. И однажды моя младшая дочь, которая живет во Франции, сказала, что «la» с апострофом в просторечии обозначает «здесь». То есть «здесь театр». Мне этот вариант понравился. Мы играем на разных площадках — сегодня «здесь театр», завтра — здесь... Другие знатоки французского языка, среди которых и Лена Сафонова, утверждают, что перевод не совсем правильный. Но название уже закрепилось. А потом... Очень похоже на «La Skala»...

Беседу вела
Наталья ТЕБЕЛЕВА.
Фото Вячеслава КОРОТИХИНА.